

*Лихоносов А.В.,
Аспирант,
Факультет экономики
АНО ВО «Институт социальных наук»
Россия, г. Москва*

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ: ПРИЧИНЫ, МАСШТАБЫ И ПУТИ СНИЖЕНИЯ

***Аннотация:** В работе анализируется межрегиональное неравенство в современной России. Раскрыты основные причины устойчивости пространственных диспропорций – сырьевая специализация экономики, агломерационная концентрация, бюджетная асимметрия, демографические и транспортно-логистические ограничения. Масштабы дифференциации оценены на материале данных Росстата за 2024-2025 гг.: разрыв между крайними позициями составил порядка 7,7 раза по среднедушевым денежным доходам и около 70 раз по валовому региональному продукту на душу населения. Рассмотрены направления политики снижения неравенства, обозначенные в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года.*

***Ключевые слова:** межрегиональное неравенство, региональная политика, валовой региональный продукт, пространственная дифференциация, среднедушевые денежные доходы.*

***Annotation:** The paper analyzes interregional inequality in contemporary Russia. The key causes of the persistence of spatial disparities are addressed – raw-material specialization of the economy, agglomeration concentration, fiscal asymmetry, demographic and transport-logistic constraints. The scale of differentiation is assessed using Rosstat data for 2024-2025: the gap between the*

extreme positions reaches around 7.7 times in per capita monetary incomes and about 70 times in gross regional product per capita. Policy directions for the reduction of inequality outlined in the Spatial Development Strategy of the Russian Federation until 2030 are considered.

Key words: *interregional inequality, regional policy, gross regional product, spatial differentiation, per capita monetary incomes.*

Россия принадлежит к числу стран, для которых пространственная неоднородность хозяйственного и социального ландшафта представляет собой одну из основных характеристик национальной экономической системы. Разрыв между субъектами федерации по уровню валового продукта, доходам населения и качеству социальной инфраструктуры воспроизводится на протяжении всего постсоветского периода и слабо чувствителен к смене макроэкономических циклов, реагируя лишь на их амплитуду, но не природу [1; 2]. С конца 2010-х гг. в академической и аналитической литературе фиксируется новый виток интереса к межрегиональному неравенству, что связано с возвращением показателей пространственной и доходной дифференциации к допандемийным значениям после кратковременного сглаживания в 2020-2022 гг., а по итогам 2024-2025 гг. – с дальнейшим расхождением траекторий между арктическими сырьевыми территориями, крупнейшими агломерациями и периферийными республиками [3; 4]. Исходя из обозначенного, цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть основные причины межрегионального неравенства в России, оценить его актуальные масштабы на материале последних доступных данных и обозначить направления политики, способной смягчить его наиболее острые проявления.

Под межрегиональным неравенством применительно к России принято понимать совокупность устойчивых различий между субъектами федерации по основным экономическим, бюджетным и социальным показателям, фиксируемых на длительных временных интервалах и сохраняющих свою

конфигурацию вне зависимости от текущей макроэкономической динамики. В классических работах А. Г. Гранберга [1] и Н. В. Зубаревич [2] обосновано, что в стране с большой территорией, разнородной ресурсной базой и неравномерной плотностью населения дифференциация регионов представляет собой структурную характеристику экономического пространства, имеющую институциональные и природно-ресурсные основания. Подобная интерпретация определяет и подходы к измерению: неравенство оценивается не одним сводным индикатором, а через сочетание нескольких параметров, каждый из которых раскрывает свой срез пространственной дифференциации, и к таким параметрам традиционно относят:

1. Валовой региональный продукт на душу населения как обобщающий индикатор экономической активности территории, отражающий объём созданной добавленной стоимости с учётом численности населения.

2. Среднедушевые денежные доходы населения и их покупательную способность, выражаемую через соотношение со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг.

3. Соотношение максимального и минимального значений соответствующего показателя по группам субъектов как простейшую меру разрыва между крайними позициями.

4. Взвешенный по численности населения коэффициент Джини, рассчитанный по региональным значениям ВРП либо доходов и применяемый, в частности, в работах [3] для межстрановых сопоставлений.

5. Уровень бюджетной обеспеченности субъектов федерации до и после распределения межбюджетных трансфертов, фиксирующий собственный экономический потенциал территории и эффект перераспределительной политики [6].

Современный срез межрегиональной дифференциации, складывающийся из перечисленных параметров, наиболее наглядно

проявляется на материале денежных доходов населения, расчёт которых производится Росстатом поквартально и охватывает все субъекты федерации в единой методике; разрыв между крайними позициями в третьем квартале 2025 г. составил порядка 7,7 раза, а его конфигурация по группам регионов раскрывается в табл. 1.

Таблица 1.

Дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню денежных доходов населения в III квартале 2025 г.

№	Субъект Российской Федерации	Отношение среднедушевого денежного дохода к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг	Среднедушевой денежный доход, тыс. руб./мес.	Реальные денежные доходы населения, в % к III кв. 2024 г.
1	Ненецкий АО	5,85	171,9	102,1
2	Ямало-Ненецкий АО	5,40	157,7	101,0
3	Чукотский АО	5,08	207,2	116,5
4	г. Москва	4,46	167,4	110,1
5	Магаданская обл.	4,43	147,7	104,9
6	Сахалинская обл.	3,98	118,0	104,9
7	г. Санкт-Петербург	3,46	100,2	105,9
12	Республика Татарстан	3,00	66,7	107,1
16	Ханты-Мансийский АО – Югра	2,98	84,4	101,3
–	Российская Федерация в целом	2,88	73,0	106,3
83	Карачаево-Черкесская Республика	1,63	36,1	105,2

84	Республика Тыва	1,54	36,2	104,3
85	Республика Ингушетия	1,20	26,8	100,9

Источник: составлено по данным РИА Рейтинг по результатам исследования Росстата [10].

В первой десятке рейтинга по абсолютным доходам преобладают малонаселённые арктические и дальневосточные округа, в которых высокий уровень среднедушевых поступлений обусловлен концентрацией ресурсной ренты на узкой популяционной базе и северными надбавками; рядом с ними устойчиво удерживаются Москва и Санкт-Петербург, представляющие тип агломерационных лидеров. По соотношению доходов и стоимости фиксированного потребительского набора лидируют именно сырьевые автономные округа, тогда как Москва уступает им четвёртую позицию – что хорошо согласуется с замечаниями в литературе о *«влиянии ресурсной ренты на ограниченный круг регионов»* [3, с. 4]. В нижней части рейтинга оказываются три республики – Ингушетия, Тыва и Карачаево-Черкесия, – где среднедушевой денежный доход едва превышает стоимость фиксированного набора, а по покупательной способности житель Ингушетии примерно в пять раз отстаёт от жителя Ненецкого АО. Динамика реальных доходов в третьем квартале 2025 г. одновременно с этим разнонаправленна: на Чукотке зафиксирован прирост в 16,5 % в годовом выражении, в Москве – 10,1 %, тогда как в Ингушетии – лишь 0,9 %, что воспроизводит характерную для российских условий зависимость восстановительного роста доходов от структуры занятости и доли бюджетного сектора в экономике территории [4; 6].

Однако фиксация только «уровней» доходов и ВРП на душу населения не раскрывает того, как именно протекают экономические процессы в самих регионах и не позволяет ответить на вопрос, наблюдается ли сближение или, напротив, расхождение траекторий; для этого необходима параллельная

оценка динамики валового регионального продукта в постоянных ценах за последние несколько лет (табл. 2).

Таблица 2.

Индексы физического объёма валового регионального продукта по отдельным субъектам Российской Федерации в 2020-2024 гг., % к предыдущему году

Субъект Российской Федерации	2020	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация в целом	98,3	107,2	100,2	105,2	104,5
г. Москва	100,8	110,5	100,6	108,9	106,8
г. Санкт-Петербург	97,7	119,4	97,6	98,5	108,4
Ненецкий АО	85,6	108,7	112,2	97,0	98,6
Ямало-Ненецкий АО	95,8	109,0	100,1	97,8	103,5
Ханты-Мансийский АО – Югра	92,0	107,0	102,6	100,2	98,2
Чукотский АО	100,9	106,0	94,4	111,7	105,7
Магаданская обл.	104,9	106,0	92,2	104,6	105,7
Чеченская Республика	101,5	102,0	104,5	116,7	122,6
Республика Калмыкия	97,1	99,8	108,5	125,6	118,6
Республика Ингушетия	94,0	100,2	103,6	103,6	101,3
Республика Тыва	95,5	98,9	108,3	104,1	106,2

Источник: составлено по данным Росстата (ЕМИСС, показатель «Индексы физического объёма валового регионального продукта») [9].

По уровню доходов и абсолютному размеру ВРП на душу населения арктические сырьевые округа сохраняют отрыв, однако по темпам прироста ВРП они находятся в фазе стагнации либо умеренного сжатия: Ненецкий АО в 2023-2024 гг. демонстрирует индексы ниже 100 (97,0 и 98,6), а Ханты-Мансийский АО – 100,2 и 98,2, что отражает исчерпание благоприятной конъюнктуры начала 2020-х гг. и истощение части месторождений. Москва, напротив, удерживает темпы выше среднероссийского уровня практически во

все рассматриваемые годы и обеспечивает наибольший вклад в общестрановую динамику Центрального федерального округа [9]. Наиболее интересны траектории отдельных слабо развитых субъектов: Чеченская Республика и Республика Калмыкия в 2023-2024 гг. показали индексы 116,7 / 122,6 и 125,6 / 118,6, что в академических терминах [3] может рассматриваться как первые признаки локального сближения по динамике с центром, хотя по абсолютным уровням разрыв остаётся прежним; в случае Чечни и Ингушетии заметный вклад вносит фактор государственных и оборонных расходов, в случае Калмыкии – реализация инфраструктурных и энергетических проектов. Тыва и Ингушетия, при положительной динамике, имеют умеренные темпы (101,3 и 106,2 в 2024 г.), что согласуется с исследовательскими выводами [5] о структурных ограничениях для восстановительного роста в условиях ограниченного локального рынка труда и слабой инвестиционной базы.

Природа столь устойчивого неравенства не сводится к одной доминирующей причине, и в академической литературе её принято объяснять совместным действием нескольких групп факторов, среди которых обычно выделяют:

1. Сырьевую специализацию российской экономики, при которой доходы и налоговая база концентрируются в узком круге нефтегазодобывающих регионов, формирующих по своим душевым показателям резкий отрыв от остального пространства страны; именно ресурсная компонента служит главным источником асимметрии, по выводам [3], и её влияние усиливается в периоды роста сырьевых цен и ослабевает в кризисные годы.

2. Агломерационную концентрацию, при которой капитал, квалифицированный труд, услуги и инвестиции тяготеют к крупнейшим городам и их пригородным зонам; Москва, Санкт-Петербург и их областные пояса остаются центрами притяжения, формирующими собственный

гравитационный контур и одновременно вычерпывающими ресурсы из периферийных территорий [2].

3. Институциональную и бюджетную асимметрию, выражающуюся в том, что значительная часть субъектов федерации устойчиво воспроизводит дотационный статус и не располагает достаточной собственной налоговой базой для финансирования базовых обязательств, попадая в зависимость от характера и объёма межбюджетных трансфертов [6].

4. Демографические и кадровые ограничения, в первую очередь длительный миграционный отток трудоспособного населения из периферийных регионов в крупные центры, ведущий к сужению локальных рынков труда, ослаблению человеческого капитала и постепенной утрате части социальной инфраструктуры; в наиболее отстающих субъектах, по оценкам [5], среднедушевой доход едва превышает стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, что в полной мере подтверждается данными третьего квартала 2025 г. для Ингушетии, Тывы и Карачаево-Черкесии (табл. 1).

5. Транспортно-логистические разрывы между макрорегионами, удерживающие отдельные части страны в режиме внутренней периферии и сдерживающие распространение экономической активности за пределы исторически сложившихся центров; этот фактор подробно зафиксирован в действующих документах стратегического планирования [7].

Наблюдаемая устойчивость неравенства не означает безуспешности проводимой региональной политики. По оценкам, представленным в [3], значительный рост межбюджетных трансфертов в кризисы 2009 и 2020 гг. действительно способствовал смягчению дифференциации, и в этом смысле перераспределительный механизм работает. Вместе с тем эффект во многом краткосрочен, а сама модель содержит внутреннее противоречие, которое в работах Н. В. Зубаревич сформулировано следующим образом: *«масштабное перераспределение сырьевой ренты, проводимое в условиях*

сверхцентрализованной системы управления, обеспечило выравнивающий эффект на относительно коротком временном отрезке» [2, с. 50]. После исчерпания периода устойчиво высоких сырьевых доходов сжатие сверхдоходов федерального центра автоматически снижает выравнивающий потенциал, и обостряется задача поиска иных инструментов снижения межрегионального неравенства, среди которых сегодня обсуждаются:

1. Совершенствование межбюджетного выравнивания через изменение методик распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности и постепенный отказ от избыточного централизованного перераспределения в пользу более стимулирующих механизмов; недостатки действующей методики связаны с риском снижения фискальных стимулов у регионов-получателей и со слабой связью между объёмом помощи и реальной результативностью её использования [6].

2. Развитие преференциальных режимов на территории отстающих и геостратегических регионов – особых экономических зон, территорий опережающего развития, специальных инвестиционных контрактов, направленных на привлечение частного капитала туда, где рыночная среда сама по себе непривлекательна для инвестора.

3. Поддержку опорных населённых пунктов и крупных агломераций второго эшелона в логике сжатия пространства; в Стратегии пространственного развития до 2030 года, утверждённой Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р, прямо предусматривается «приоритетная концентрация ресурсов» на едином перечне опорных населённых пунктов [7], что представляет собой институциональное оформление концепции управляемого сжатия периферии и опоры на ограниченный круг точек роста, в академическом виде сформулированной в работах Н. В. Зубаревич [2].

4. Развитие человеческого капитала и социальной инфраструктуры в проблемных регионах через адресные программы здравоохранения,

образования, поддержки рождаемости и занятости; недостаточные инвестиции в человеческий капитал в отстающих субъектах рассматриваются как один из ключевых барьеров для смягчения неравенства в долгосрочной перспективе [5].

5. Снятие транспортно-логистических ограничений между макрорегионами, в первую очередь между восточными территориями страны и центральной частью, через развитие магистральной инфраструктуры, что должно расширить географию экономической активности и снизить эффект внутренней периферии [7].

Совокупность приведённых оценок позволяет рассматривать межрегиональное неравенство в современной России как явление, в котором сочетаются объективные структурные основания и определённый запас управляемости. Сырьевая компонента и агломерационная концентрация задают ту часть дифференциации, которая не поддаётся устранению административным усилием, и в этой части задача политики состоит скорее в недопущении деградации отстающих территорий, чем в достижении формального выравнивания; одновременно бюджетная асимметрия, дефицит человеческого капитала и транспортные разрывы поддаются целенаправленному воздействию, и именно к ним обращены основные инструменты Стратегии пространственного развития. Сама постановка вопроса о путях снижения межрегионального неравенства, по всей видимости, останется одним из центральных сюжетов отечественной региональной экономики на ближайшие годы – поскольку устойчивость наблюдаемых разрывов на материале 2024-2025 гг. не оставляет оснований ожидать их самопроизвольного рассасывания.

Использованные источники:

1. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. – 3-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 495 с.

2. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
3. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. – 2024. – № 1 (83). – С. 4-18. – URL: <https://research.smolgu.ru/index.php/RI/article/view/36>
4. Ивахненко Т. Ю., Полбин А. В. Неравенство доходов в России в 2025 году перестанет расти // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. – 2025. – № 4 (186). – URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2025-4-1385.pdf>
5. Туманянц К. А., Арженовский С. В., Арькова О. А., Монастырев М. М., Пичулина И. С. Неравенство и экономический рост в России: эконометрические оценки зависимостей // Деньги и кредит. – 2023. – № 2. – С. 52-77.
6. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика // Региональные исследования. – 2023. – № 1. – С. 31-41.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». – URL: <http://government.ru/docs/all/157308/>
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
9. Индексы физического объёма валового регионального продукта в 2017-2024 гг. (в постоянных ценах; в процентах к предыдущему году) / Росстат, Единая межведомственная информационно-статистическая система. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42928>

10. Рейтинг регионов по доходам населения – 2025 / РИА Рейтинг (по данным Росстата за III кв. 2025 г.). – 15 декабря 2025 г. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20251215/630289770.html>